

Лупит жизнь – что надо!

Поэт – это судьба. В том смысле, что дорога его по жизни не сахар да малина по обочинам. Порой она сурова, порой жестока и постоянно ухаби́ста. Наверное, так и должно быть. Удел подлинных талантов всегда тяжёл. Мнёт их жизнь и корёжит, и не могут они приспособиться к ней. Не приспособленцы они по своей несговорчивой натуре. По-детски наивные души их распахнуты для всего мира, в котором, к сожалению, немало чёрного, злого, обманного... А устроены они хрупко, как ёлочные игрушки, подвешенные на ниточке. Недаром один из них сказал: «Я пишу, пишу, пишу // и на ниточке вишу». Разрази господь, не представляю себе настоящего поэт а лысым, толстым, лоснящимся самодовольством, в позументном золоте сановного чиновника. Существует же классический образ. Как писал А. Куприн, это – бледный и худой человек с благородным лицом... Безусловно, перед нами романтическое видение. Действительность добавляет к портрету поэта (здесь и далее я имею в виду только по д л и н н о г о поэта) неухоженность, небрежность в одежде и во всём облике – от непослушных вихров до стоптанных башмаков. И не стройность, не худощавость, – а всамделишную худобу. Именно такими были Юрий Макаров, Геннадий Капранов, Леонид Топчий, творчество и судьбы которых наш альманах представил в предыдущих номерах. Судьбы их, напомним, были далеко не дыня с мёдом. Хотя, если опять же не противоречить самому себе, так и должно быть. Анна Ахматова сказала об Иосифе Бродском, когда его судили за тунеядство: «Рыжему делают судьбу».

А судьба у поэтов всегда злодейка. Она без роду и племени, она вне границ, вне наций. Татарская поэзия для неё не исключение. Не задумываясь, назову три имени – Эдуард Мустафин, Хайдар Гайнутдинов, Нияз Акмал. Мог бы ряд этот и продолжить, но раз уж троица, пусть будет троицей.

Сколько помню, Эдуард Мустафин скитался без своего угла по друзьям, редакциям, оставленным на зиму дачам... Необыкновенно талантливый, самобытный, он долго дождался своей первой книжки. Вот радости-то было, когда она, размером с тонюсенькую записную книжку, увидела свет! Были ещё, по-моему, две книги, а потом я его долго не видел. Оказывается, потом его уже больше вообще никто не видел. Пропал он, как в воду канул. Среди шумного города исчез человек, поэт, член писательского союза... Ни следа, ни могилы. Только стихи его, не полностью изданные, да песни остались.

Другому талантливому поэту и впоследствии прозаику Хайдару Гайнутдинову повезло больше. У него были семья, жильё, постоянная работа. Есть и могила. Его убили в собственной квартире. Дело тёмное.

Такое же тёмное дело с Ниязом Акмалом. Его распростёртого на полу своей квартиры, в крови, нашёл мёртвым вошедший в распахнутые настежь двери его братишка. Нияз написал в одном из стихотворений:

Лупит жизнь – что надо!
В глаз не даст, так съездит в бровь,
Пыли нет,
Да каплет кровь...

И ещё, в другом:

И что со мной творится не пойму –
Благие помыслы мои – мираж,
Нет радости ни сердцу, ни уму,
Давно не жил, давно не умирал.

Жить-то Нияз любил, хотя и не совсем умел. И радость он любил носить в своём сердце. Она у него в глазах светилась. Необыкновенно даровитый, утончённый в выражении мыслей и чувств, в замызганных одеяниях своих поэт выглядел несколько заношенным и потёртым жизнью.

**Не смотри, что весь в заплатах...
Я ведь в первый раз живу.**

Но, повторяю, глаза его лучились. Нередко Нияз бывал навеселе, а чаще, особенно по утрам, – наоборот... Но в любом случае он был улыбочив и словоохотлив. Однажды у него в служебной комнате (он работал в редакции газеты «Мэдэни жомга» – «Культурная пятница») мы разговорились с ним, почитали друг другу стихи. Послушав мои вирши, он удивился, так как знал меня как прозаика, и выразил готовность перевести их на татарский язык. Он взял мою подборку, полистал и для начала отобрал стихотворение «Майским утром», по объёму самое большое. Скоро оно было опубликовано здесь же, в газете «Мэдэни жомга». Эффект был поразительным. Его я увидел на глазах женщин в Национальной библиотеке республики, где находится место моей работы. Дело в том, что Нияз Акмал, лирик по натуре, сделал это стихотворение на татарском языке более лиричным, и даже, если хотите, сентиментальным, выбивающим у чувствительного читателя слезу. Откровенно говоря, его перевод стал для меня совершенно новым прочтением ситуации моего майского утра на кладбище Яна-Биста. Этот его вариант я и сам без волнения и слёз прочесть не смог*.

Позже Нияз взял у меня для перевода уже побольше стихотворений. Но намерений своих выполнить не успел.

Говоря о лиризме поэзии Нияза Акмала, нельзя не сказать и о её глубокой философичности. Даже в небольшой подборке, данной в «Казанском альманахе», он заставляет взглянуть на жизнь с неожиданной стороны.

**Очень странно порою
С нами жизнь поступает:
Побеждённому легче,
Много легче бывает.**

Здесь Нияз автономно перекликается с поэтом другого полушария Земли, и вообще другого века жизни – Уолтом Уитменом, который заявлял, что порой проиграть лучше, чем выиграть. Да, это чистой воды философия, это теория относительности, выраженная посредством поэзии.

Когда захожу в редакцию «Мэдэни жомга», мне постоянно кажется, что вот-вот появится навстречу Нияз Акмал. Каким-то образом он всегда умудрялся выходить в коридор, когда я открывал дверь редакции. Но в коридоре пустынно и не освещает его лучистая улыбка Нияза Акмала.

Ахат Мушинский

* На русском языке стихотворение печатается в этом номере «КА». См. стр. 114.